

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием заявителя С., представителя заявителя С. – адвоката Р. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы, удостоверение № ... выдано Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Москве 04 марта 2003 года, Ордер ... от 24 мая 2021 года), рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе С. «от февраля» 2021 года (вх. № ... от 01.03.2021) в отношении адвоката М. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 26 мая 2021 года адвокатом М. допущено нарушение взаимосвязанных положений п.п. 1, 2 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 2 ст. 5, п.п. 3, 4, 6 ст. 6 и пп. 4 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в его добровольной явке в СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве для дачи свидетельских показаний по уголовному делу № ... и даче соответствующих показаний по указанному уголовному делу 17 апреля 2019 года и 14 мая 2019 года, будучи лицом, ранее участвовавшим в этом же уголовном деле в качестве защитника обвиняемого С. и представителем С. по гражданскому делу № ..., находившемся в производстве Г. городского суда Ч. Республики, и разгласившего следователю сведения, относящиеся в соответствии с положениями п. 5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката к сведениям, составляющим профессиональную тайну, при отсутствии письменного согласия доверителя С., освобождающего адвоката М. от обязанности хранения указанной тайны и при отсутствии возбужденного против адвоката М. уголовного дела.

В том же Заключении Квалификационная комиссия пришла к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката М. по жалобе С. «от февраля» 2021 года (вх. № ... от 01.03.2021):

в части дисциплинарных обвинений в добровольной явке в СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве для дачи свидетельских показаний по уголовному делу № ... и даче соответствующих показаний по указанному уголовному делу 16 июля 2018 года, будучи лицом, ранее участвовавшим в

этом же уголовном деле в качестве защитника обвиняемого С. и представителем С. по гражданскому делу № ..., находившемся в производстве Г. городского суда Ч. Республики, и разгласившего следователю сведения, относящиеся в соответствии с положениями п. 5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката к сведениям, составляющим профессиональную тайну, при отсутствии письменного согласия доверителя С., освобождающего адвоката М. от обязанности хранения указанной тайны и при отсутствии возбужденного против адвоката М. - вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности;

в оставшейся части - вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель С. в заседании Совета подтвердил своевременность получения Заключения, ознакомление с ним, с выводами Комиссии не согласился.

Ранее в Адвокатскую палату города Москвы от заявителя С. поступило «Заявление» от 11 июня 2021 года (вх. № ... от 16.06.2021) без подписи, авторство которого С. подтвердил в заседании Совета. В «Заявлении» выражено несогласие с Заключением Квалификационной комиссии в части прекращения дисциплинарного производства. Заявитель С. указывает, что, по его мнению, Квалификационная комиссия не учла, что согласно соглашению об оказании юридической помощи от 20.02.2016 № ... такая помощь должна была оказываться ему адвокатом М. не только по уголовному, но и по гражданским делам, производство по которым осуществляется и по настоящее время. Тем не менее, адвокат М. от работы по соглашению устранился, «с июля 2016 года просто исчез», хотя указанное соглашение не расторгнуто и действует в настоящее время, что свидетельствует о факте длящихся отношений. Несмотря на прекращение оказания юридической помощи, адвокат М. продолжает удерживать у себя выданную ему С. доверенность на ведение гражданских дел, документацию по уголовному гражданскому делу, а также ряд иных документов. Не урегулированы и финансовые отношения с адвокатом М., связанные с прекращением им оказания юридической помощи.

По мнению С., даже если адвокат М. после дачи показаний устранился от участия в уголовном деле в качестве защитника согласно требованиям статьи 72 УПК РФ, он по-прежнему обязан оказывать юридическую помощь по соглашению в виде консультаций, формирования правовой позиции и иным образом, не связанным непосредственно с проведением следственных действий. Кроме того, С. отмечает, что адвокат М. не ознакомил его с процессуальными документами, касающимися сотрудничества Г. со следствием. Он также не уведомил С. о том, что трижды был допрошен и дал в отношении его (С.) показания.

Отвечая на заданные ему вопросы, заявитель С. в заседании Совета сообщил: *«Относительно вреда, который нанес адвокат М. своими*

действиями: он получил денежные средства по соглашению, отказался от дальнейшей защиты, никаким образом не уведомил о том, что он был допрошен, и о том, что каким-либо образом соглашение расторгнуто, и что он не может в дальнейшем оказывать помощь. Денежный вопрос со мной не урегулирован, мне пришлось нести финансовые затраты второй раз, приглашая для исполнения той же работы других людей. Я ознакомился в полном объеме с уголовным делом, сейчас оно возвращено из прокуратуры назад с огромным количеством нарушений. Единственное доказательство, которое есть у следствия - это рассуждения М. Никаких других доказательств в деле нет, а показания Г. ничем не подтверждены. В своих показаниях Г. указывает на десять виновных человек, но ни один из них к уголовной ответственности не привлечен в течение трех лет. Это говорит о том, что его показания в отношении разных лиц, в том числе меня, никого не убедили. Соответственно, адвокат М. породил доказательства, которые мне предстоит дезавуировать, и это я тоже считаю нанесенным мне ущербом. Мое мнение - не дай бог кому-то получить такого адвоката, как М. Он только с тобой поговорил, как сразу идет к следствию и коммуницируется. Считаю, что такой адвокат адвокатом быть не должен. М. на сегодня обладает большим количеством документов, которые находятся у него, как по уголовному делу, так и по гражданским делам. Считаю, что он должен прийти и их передать. Естественно, я ему уже не доверяю. Я понимаю, что он испугался. Я бы его послушал, получил назад авансы, которые ранее ему выдал, а также все документы. Адвокат М. являлся одновременно защитником П., Х. и моим. И все мы в шоке от того, что адвокат М. связал нас в некую группу. Его показания следствию состояли в том, что «мой клиент является руководителем какой-то группы, организованной преступной, в которую входит Ре. - тоже его доверитель, Х. - тоже его доверитель, П.». Со всеми он общался в рамках тех или иных соглашений и пришел к таким выводам. Меня это совершенно не устраивает. К примеру, он говорит, что когда он был в Г. суде, то он увидел доверенность, на которой стояла печать настолько мокрая, что она отпечаталась на другой стороне, и что-то это следствию может помочь. И зачем-то он эти воспоминания сообщает следствию. Относительно показаний Г. в отношении адвоката М. могу сказать, что Г. через запятую перечислил десять фамилий, которые посчитал нужным назвать, и не смог ничего сообщить, поскольку М., в принципе, не мог быть ни в чем обвинен, кроме как чего-то надуманного. Это выдумки, никакой вины у него не существовало. Хотя сейчас я всего текста показаний Г. наизусть не помню. Г. с таким же успехом мог указать фамилии всех адвокатов города. Это сделано, чтобы получить преференции от следствия и указать максимальное количество людей. Никаких фактов в отношении М. приведено не было. В такой ситуации я бы показания против своего клиента не давал. Считаю, что в показаниях Г. ничего реального против М. не было. Реальной ли была угроза для М.? Нужно спросить у него самого, хотя его здесь нет, но я считаю, что это просто была бумажка-«пугалка», которая

в себе ничего не несет. Следовало это сразу понять. Если вы спрашиваете, насколько реальной была угроза для М., я считаю, что она не была равна возбужденному уголовному делу. В показаниях Г. не было обвинительной информации в адрес М.».

Представитель заявителя С. адвокат адвоката Р. в полном объеме поддержал позицию С.

Адвокат М., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, письменно ходатайствовал о рассмотрении дисциплинарного дела в его отсутствие (вх. № ... от 18.06.2021).

Кроме того, в Адвокатскую палату города Москвы от адвоката М. поступило «Возражение» на Заключение Квалификационной комиссии б/д (вх. № ... от 17.06.2021). Адвокат М. указывает, что, внимательно изучив Заключение, категорически не согласен с ним в части установленных в его действиях нарушений, выразившихся в добровольной явке в следственный орган и даче свидетельских показаний, что повлекло разглашение сведений, относящихся к адвокатской тайне, при отсутствии письменного согласия доверителя С.

Адвокат М. в «Возражении» повторил свои ранее изложенные доводы о том, что ему следователем О. были предъявлены процессуальные документы, из которых следовало, что обвиняемый Г. прямо указал на него (адвоката М.) как на лицо, причастное к совершению мошенничества. Для опровержения показаний Г. адвокат М. вынужден был дать свидетельские показания по уголовному делу, поскольку в противном случае его самого могли привлечь к уголовной ответственности за преступление, к которому он не имел никакого отношения.

Адвокат М. полагает, что Квалификационной комиссии было представлено достаточно данных, свидетельствующих о реальной угрозе уголовного преследования в его отношении в рамках расследуемого СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве уголовного дела № Именно ввиду сложившихся обстоятельств, для защиты своего доброго имени и опровержения ставших ему известных сведений, направленных к подрыву доверия к нему и к адвокатуре, а также во избежание необоснованного привлечения к уголовной ответственности, адвокат М. вынужден был воспользоваться правом, предоставленным ему ч. 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката.

По мнению адвоката М., данная норма Кодекса должна применяться не только в случае, если уголовное дело возбуждено в отношении конкретного адвоката, но и если оно возбуждено в отношении неустановленных лиц. Поэтому адвокат М. считает, что норма ч. 4 ст. 6 Кодекса *«подлежит расширенному толкованию и должна распространяться на вышеизложенные мной события, так как в противном случае, априори, не может обеспечить гарантии безопасности адвоката в случае необоснованного привлечения к уголовной ответственности».*

На этих основаниях адвокат М. просит прекратить дисциплинарное производство в его отношении по жалобе С. В качестве приложения к «Возражению» адвокат М. приобщил ответ на его запрос следователя СУ по ... города Москвы ГСУ СК России Б. от 15.06.2021.

Руководствуясь положениями пункта 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, определяющего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело при имеющейся явке.

Изучив и обсудив Заключение Квалификационной комиссии, материалы дисциплинарного производства, выслушав его явившихся участников, Совет признаёт фактические обстоятельства дела правильно установленными Квалификационной комиссией, однако, вопреки выводам Квалификационной комиссии, приходит к иным выводам, которые будут изложены далее в настоящем Решении.

Как установлено материалами дисциплинарного производства, претензии со стороны заявителя С. к адвокату М. состоят в трех случаях дачи им свидетельских показаний по уголовному делу № ..., повлекших разглашение адвокатской тайны, а именно 16 июля 2018 года, 17 апреля 2019 года и 14 мая 2019 года.

Придя к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в части, касающейся первого эпизода допроса - 16 июля 2018 года, вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности, Квалификационная комиссия сочла, что в двух других случаях адвокат М., будучи лицом, ранее участвовавшим в этом же уголовном деле в качестве защитника обвиняемого С. и его представителем по гражданскому делу № ..., находившемуся в производстве Г. городского суда Ч. Республики, разгласил следователю сведения, составляющие профессиональную тайну, при отсутствии письменного согласия доверителя.

Совет, прежде всего, обращает внимание на неконкретность выдвинутых в отношении адвоката М. дисциплинарных обвинений. Так, ни в жалобе заявителя, ни в его дальнейших устных и письменных пояснениях, ни в Заклучении Квалификационной комиссии не указано, какие конкретно сведения, сообщенные адвокатом М. на допросах следователю, составляют адвокатскую тайну. Между тем органы адвокатского самоуправления не наделены правом формулирования и конкретизации предъявленного дисциплинарного обвинения, при том, что конкретность обвинения является общеправовым принципом и необходимой предпосылкой реализации лицом, против которого выдвинуто обвинение, права на защиту. Уклонение участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, от конкретизации обвинения обязывает правоприменяющий орган толковать все сомнения в пользу лица, против которого выдвинуто обвинение в ненадлежащем поведении (Сборник нормативных и информационных материалов за 2002-2014 годы. Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты г. Москвы. Москва, 2014. С.192-193).

Во-вторых, Совет соглашается с адвокатом М. в том, что в его отношении действительно существовала угроза уголовного преследования. По этой причине к действиям адвоката М. в рассматриваемой ситуации в полной мере применимы положения п. 4 ст.6 Кодекса профессиональной адвокатской этики адвоката, позволяющие адвокату без согласия доверителя использовать сообщенные ему сведения для своей защиты по уголовному делу. При этом Совет, руководствуясь общеобязательными правовыми позициями Конституционного Суда РФ, исходит не из формального узкого толкования приведенной нормы, а исходя из фактического положения лица, которому может угрожать уголовное преследование (См.: Постановления от 23 марта 1999 года № 5-П и от 27 июня 2000 года № 11-П, Определение от 5 ноября 2004 года № 350-О).

Вопреки позиции заявителя, о реальной для адвоката М. угрозе уголовного преследования по уголовному делу о мошенничестве свидетельствуют:

- его собственные пояснения о том, что, будучи приглашенным к следователю, он был ознакомлен с протоколом допроса обвиняемого Г. с показаниями против него (М.), с постановлением прокурора об удовлетворении ходатайства Г. о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, а также в качестве угрозы ему был продемонстрирован заготовленный протокол его (М.) задержания.

При этом изначально, при первом допросе, состоявшемся 16.07.2018, адвокат М. сделал в протоколе допроса заявление: *«Показания давать желаю, даю их в соответствии ч. 4 ст. 6 «Кодекса профессиональной этики адвоката»»;*

- содержание показаний обвиняемого Г., содержащихся в протоколе его допроса от 03.07.2018 на 8 листах, где фамилия М. упоминается 24 раза. При этом основным предметом допроса являются обстоятельства, квалифицированные следствием по ст. 30 и ч. 4 ст.159 УК РФ как покушение на мошенничество и изложенные в постановлении прокурора от 29.06.2018 об удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и в постановлении Ч. районного суда города Москвы от 20.06.2018 об избрании С. меры пресечения в виде домашнего ареста. При этом из общего контекста показаний и конкретных пояснений допрашиваемого ясно следует, что речь идет о непосредственной причастности М. к противоправной деятельности.

Так на л. 6 протокола допроса указано:

«Вопрос следователя: Поясните, М. и А. были осведомлены о преступности ваших и остальных лиц действий?»

Ответ обвиняемого: Да, они были осведомлены. Они понимали, что сделки как таковой не было и представляли мои и С. интересы по документам <...>»;

- письменные ответы следователя СУ по ... города Москвы ГСУ СК России Б. на запросы адвоката М. В ответе от 15.06.2021 указано, что адвокат М. был ознакомлен с показаниями заключившего досудебное соглашение о

сотрудничестве Г., в связи с чем его показания, по мнению следствия, были обусловлены необходимостью обоснования своей позиции с целью защиты его прав и законных интересов. Тот же следователь в ответе от 15.03.2021 указал: *«целесообразность получения от вас показаний по находящемуся в моем производстве уголовному делу № ..., возбужденному 15.07.2016 заместителем начальника ... отдела ... по ... ГУ МВД России по городу Москве была вызвана необходимостью проверки полученных в ходе расследования в том числе и от лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве данных о наличии у вас сведений об обстоятельствах, имеющих значение для расследования и разрешения уголовного дела»* (орфография и пунктуация оригинала сохранены – примечание Совета).

Совокупность приведенных фактов приводит Совет к выводу о том, что адвокат М. находился в условиях реальной угрозы уголовного преследования, в связи с чем был вправе защищаться, давая свидетельские показания, в том числе и сообщая без согласия доверителя сведения, составляющие адвокатскую тайну. Определение степени реальности такой угрозы, оценка доказательств по уголовному делу выходят за рамки дисциплинарного разбирательства и полномочий органов адвокатского самоуправления, при этом для вывода о правомерности применения положений пункта 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката достаточно констатации самого факта наличия угрозы уголовного преследования. При данных обстоятельствах Совет, вопреки Закл^ючению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в толковании Кодекса профессиональной этики адвоката и правовой оценке деяния адвоката, приходит к выводу о том, что в действиях адвоката М., составляющих предмет дисциплинарных обвинений в разглашении адвокатской тайны путём дачи свидетельских показаний, отсутствует нарушение законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Приходя к такому выводу, Совет также учитывает традиции российской (присяжной) адвокатуры. Так, в книге А.Н. Маркова «Правила адвокатской профессии в России» (М., 1913) со ссылкой на решения советов присяжных поверенных разъяснялось: *«Единственным средством для оправдания от обвинения в тяжких нарушениях долга, пятнающих честь и достоинство носимого адвокатом звания является правдивое изложение того, что действительно происходило, а потому защитнику не может быть возбранено прибегнуть к этому средству, хотя бы это было связано с разглашением «тайны доверителя»»*.

Такой подход является устоявшимся и в дисциплинарной практике Адвокатской палаты города Москвы. Так, «Квалификационная комиссия сочла убедительными и заслуживающими доверия объяснения адвоката Ч. о том, что, выполняя обязательства по соглашению об оказании юридической помощи, он потенциально мог оказаться в опасной правовой ситуации, при развитии которой в отношении него имела реальная угроза возбуждения

уголовного дела. В этой связи у адвоката Ч. имелись исключительные причины для расторжения соглашения и отказа от исполнения обязанностей защитника» (Вестник Адвокатской палаты города Москвы. Выпуск № 4, 2014. С. 29-36).

Давая оценку дисциплинарному обвинению, выдвинутому заявителем С. в адрес адвоката М., в том, что он после первого своего допроса в качестве свидетеля по уголовному делу № ..., имевшего место 16 июля 2018 года, самоустранился от защиты С., Совет исходит из того, что в соответствии с ч. 1 ст. 62 УПК РФ защитник обязан устраниваться от участия в производстве по уголовному делу при наличии оснований, предусмотренных главой 9 УПК РФ. При этом пункт 1 ч. 1 ст. 72 УК РФ устанавливает прямой запрет на участие защитника в уголовном деле, если он участвовал в этом же деле в качестве свидетеля.

При таких обстоятельствах Совет признаёт данное дисциплинарное обвинение противоречащим требованиям уголовно-процессуального законодательства и, следовательно, необоснованным, вследствие чего в действиях (бездействии) адвоката М. отсутствуют нарушения законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре также и в указанной части.

Иные претензии заявителя С. к адвокату М., выдвинутые в ходе дисциплинарного разбирательства в Совете (невыяснение финансовых отношений, удержание документов, необходимость привлечения другого адвоката, незнакомление его (С.) с процессуальными материалами, касающимися Г., уклонение от работы по другим делам), не являются предметом жалобы С. о привлечении адвоката М. к дисциплинарной ответственности (вх. № ... от 01.03.2021), тогда как Совет при разбирательстве не вправе выходить за пределы жалобы и заключения комиссии (п. 4 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката).

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

р е ш и л:

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката М. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) по жалобе С. «от февраля» 2021 года (вх. № ... от 01.03.2021), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

И.А. Поляков